МАКСИМ МИТИН

ДЕЛО О ЧУГУННОМ ДИВЕ

Максим Митин

Дело о чугунном диве

«Автор»
2026

Митин М.

Дело о чугунном диве / М. Митин — «Автор», 2026

Нижний Новгород, 1896 год. На открытии выставки инженер Рябинин погибает возле чугунной турбины. Засовы он задвинул сам, на глазах у публики. Пока полиция готовит сообщение о сердечном приступе, частный поверенный Арсений Корнеев находит в списке дежурных две фамилии. Одна принадлежит мастеру, похороненному восемь лет назад. Другая — самому Корнееву. Разобраться бы до следующего показа: билеты уже розданы.

© Митин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смерть в павильоне железа 5
Глава 2. Свидетель в туши 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Максим Митин
Дело о чугунном диве

Глава 1. Смерть в павильоне железа

Первую кражу на Всероссийской выставке Арсений Петрович Корнеев совершил сам. Он вынул из кармана господина в палевом пиджаке серебряный портсигар и уже подыскивал слова для объяснения, когда господин обернулся и сказал:

— Ещё левее. Там часы.

Вокруг засмеялись. Господин поклонился, как артист после хорошего куплета. Был он необычайно доволен собой, этот толстенький нижегородец с белым шрамом поперёк мясистого носа. Из нагрудного кармана у него торчала карточка страхового общества.

Корнеев открыл портсигар. На синей подкладке лежала обручальная серьга с тремя крохотными бирюзинками. Одной не хватало.

Смеяться перестали.

— Господин мой, — сказал толстяк уже совсем другим голосом, — у меня жена.

— Поэтому я и не стал ждать, пока вы откроете его дома. Сударыня, взгляните, ваша?

Женщина с ребёнком на руках дотронулась до левой мочки. Пока она шла сквозь толпу от трамвайной остановки, замочек расстегнулся. Дочку она посадила на правую руку, а левой дважды опёрлась соседу на плечо. Сосед же на ходу набивал папиросу и держал раскрытый портсигар под самым её ухом. Корнеев видел, как блеснуло над синей крышкой, но не сумел разглядеть, что упало. Стань он объясняться заранее, его затёрли бы между торговцем финиками и двумя приезжими священниками, которые всё пробовали ходить рядом.

— А камушек? — спросила женщина.

Мальчик в рыжей поддёвке, стоявший возле Корнеева, вынул изо рта что-то маленькое и зелёное.

— Это фисташка, — с сожалением объяснил он и съел её обратно.

Женщина засмеялась. Щель между передними зубами сделала её разом лет на десять моложе. Дочка немедленно полезла ей пальцем в рот. Толстяк получил портсигар и отправился далее, оглядываясь и ощупывая карманы. Походка его приобрела некую деревянность, свойственную людям, только что узнавшим, сколько у них при себе имущества.

— В таком обществе, — сказал рыжий мальчик, — порядочный человек даже позавтракать не успевает.

— Ты завтракал.

— У тебя в кармане. Сам попробуй съесть калач снаружи, когда тебя держат внутри.

Он говорил о карманных часах, которые Корнеев вот уже семь лет носил в левом жилетном кармане. Кожу под ними даже в самую жаркую погоду можно было узнать на ощупь: прохладный кружок величиной в пятачок. Сегодня часы нагрелись. Тихон с утра дважды принимал человеческий вид, в котором охотно ел, и один раз кошачий, в котором ему охотно давали.

— Что стоило сказать толстяку сразу? — спросил он.

— Хотел посмотреть, ловко ли ещё работаю.

— А если бы огрели?

— Узнал бы наверное.

Они прошли ещё несколько шагов с толпой, и та вдруг ослабила хватку. Впереди, над шляпами, открылось большое пространство, полное солнца. Люди замедляли ход, вскидывали головы. Каждый хотел, чтобы у него осталось собственное первое впечатление, а сзади ему уже дышало в затылок следующее.

Корнеев прежде бывал здесь, когда пахло сырым тёсом и клей варили прямо на земле в котелках из-под каши. Теперь в стёклах отражались белые зонты, а вдоль дорожек в жестяных кадках зеленели аккуратные деревца. Одно, посаженное с наклоном, привязали к палочке лентой с надписью «За отличие». Вдали над низкими крышами стояла решётчатая водонапорная башня, до того лёгкая на вид, что пухлая дама впереди никак не могла показать её спутнику.

— Где железная-то? — сердился он.

— Вон, куда я тычу.

— Так я сквозь неё смотрел!

Должно быть, инженер, который её придумал, остался бы весьма доволен этим отзывом.

Тихон понюхал воздух.

— Горит.

— У кухни?

— Медная пыль в масле. Кто-то взял новый подшипник, не промыл, а уже господ зовёт.

Из дверей павильона машиностроения вынесли табурет. На него взошёл человек в чёрном сюртуке, короткий и крепкий, с совершенно седой головой и красными молодыми ушами. Маленькой деревянной указкой он сделал в воздухе круг. Гул нескольких сот голосов пошёл на убыль. Указку человек спрятал за спину.

— Господа, торжественный пуск задерживается. Виноват я, инженер Рябинин. Всем, кому надоело ждать, советую осмотреть пожарную лестницу фирмы Крюкова. Она великолепна. Ежели требуется вина более подробная, приходите ко мне после трёх.

Сошёл, взял табурет под мышку и отнёс туда, откуда принёс. Из толпы кто-то крикнул, что фирма Крюкова, должно быть, состоит у него в родстве.

— Не состоит! — отозвался Рябинин из дверей. — Я ей должен семь рублей!

На сей раз хохот стоял дружный.

— Вот этот мне нравится, — решил Тихон. — Не знаешь, кому он должен за завтрак?

Корнеев хотел ответить, но его взяли за локоть и потянули с такой настойчивостью, что он развернулся на каблуках.

— Ради Бога, сюрприза не порти. Дай ей самой узнать.

Это был околоточный Ефим Лукич Громыко. Свою служебную саблю он держал левой рукой под мышкой, точно скрипку. Правой вёл Корнеева к скамье, на которой сидела маленькая девочка в новом матросском платье. Слева от неё лежала круглая коленчатая рукоять с деревянной ручкой. Справа стояла коробка с множеством отверстий. Из одного торчало серое перо.

— Кто я? — спросил Корнеев.

Девочка подняла взгляд.

— Дядя Сеня. Я вас вчера видела.

— Ну, прости, — сказал он Громыко.

— Да я про птицу! Катька, показывай.

Девочка приложила ручку к медному гнезду на коробке, покрутила, и из отверстия выехал птичий хвост. Помедлил, чуть подобрался и снова выехал. Со дна донеслось тонкое, несчастное «ку».

— Его задом посадили, — сказала девочка. — А открыть нельзя. Гвозди.

У Громыко потемнело лицо. Он распутывал людей, способных обчистить приезжего от башмаков до дорожного креста, и умел сделать так, чтобы в протоколе оказалось всё, вплоть до шнурков. Перед деревянным хвостом он потерялся.

Тихон нагнулся к коробке. Дважды стукнул костяшкой пальца. Оттуда немедленно стукнули в ответ.

— Там живой? — спросила девочка.

— Самую малость. С полным умом в кукушки никто не пойдёт. Скажи, кто покупал.

Громыко показал билет с номером и ценой в полтинник. У прилавка, с которого продавали птиц, успело вырасти маленькое семейное бедствие. Продавец допрашивал молодого сборщика в замызганном фартуке. Сборщик слушал, водя языком за щекой. Глаза у него были мокрые, а рот, к его собственной досаде, складывался в улыбку. Корнеев знал эту беду. Иной человек непременно улыбается, как только его начинают казнить, и палач, по естественной слабости, удваивает усердие.

— Восемь гривен с тебя, — заключил продавец. — И женись хоть на всех своих кукушках. Мне к полудню исправные подай.

— Позвольте глянуть вашу ведомость, — попросил стоявший рядом человек с узкой дощечкой под мышкой.

Был он лет тридцати пяти, в сером, с хорошо выбритой ямочкой на подбородке. Вытягивал шею, когда к нему обращались, и тем побуждал собеседника говорить потише. Такие люди особенно хороши при выдаче денег в переполненной комнате. Возле каждого распахнутого рта остаётся немножечко спокойствия.

Продавец подал ведомость.

— Куплено готовых заводов двенадцать, — прочёл человек. — На семь правых и на пять левых птичек. А что вам отпустили?

— Железки и железки.

— В том-то и штука. Все двенадцать правые. Если бы ваш сборщик сумел заставить их крутиться в другую сторону, за ним уже гонялся бы господин Эдисон. Возьмите у меня рубль до разбирательства. А табличку «Продано возврату не подлежит» я бы убрал. Тут гуляют грамотные люди. Начнут возвращать купленное и требовать проданного.

Продавец перечёл табличку. После недолгого размышления перевернул её надписью к стене.

Тихон едва слышно свистнул в дырочку на коробке. Кукушка повернулась, на секунду показала круглую лысую голову и скрылась. Девочка прижала коробку к животу.

— Ей темно там? — спросила она.

— Когда захочет, вылезет.

— А ты откуда знаешь?

— Я сам живу с одним человеком. Он мне тоже такую штуку заказывал. Только из латуни.

Корнеев достал часы. Тихон, по счастью, не уточнил, что именно из латуни следовало бы изготовить для совместной жизни с Арсением Петровичем.

Человек в сером, которому Громыко протянул было руку, оказался уже в трёх шагах.

— Лев Семёнович! Рубль ваш как же?

— Запишите на гильдейские мелочи.

Он пошёл к павильону, придерживая под мышкой свою дощечку с защемлёнными на ней листами. Уже на пороге обернулся к сборщику.

— И вы, Федя, впредь на завод клеймо смотрите. Две точки с краю. Запомните, будто невесту выбираете.

Молодой человек очень серьёзно кивнул. По-видимому, о выборе невесты он имел гораздо более определённые сведения.

— Кто такой? — спросил Корнеев.

— Лев Семёнович Лунин, приемщик по механическому отделу, — сказал Громыко. — И Федю знает, и меня с Катенькой. К кому надо подойдёт, поздоровается, а если кто не нужен, всё равно поздоровается. Дивное дело.

— Часто вам встречается?

— Третий день любуюсь. От кувшина воды денег требует. Стакан у него на цепи, так ведь и цепь кто-то должен был принять. Без приёмки у нас господа пить не могут.

Громыко глянул на часы Корнеева.

— Ты бы своих больших спрятал. Год нынче для них несчастливый. По ярмарке люди пошли, у которых на цепочки глаз добрый. Даже когда ты им часы не показываешь, они знают.

— Я тоже знаю, — заметил Тихон. — Вон тот, в соломенной шляпе, у пожилого уже вынул.

Громыко передал девочку Корнееву и исчез с той поразительной лёгкостью, с какой грузные люди исчезают, когда идут по своей работе. Кукушка стукнулась изнутри. Катенька поставила коробку на колени, приложила рот к отверстиям и сообщила птице своё имя и адрес. Говорила она тихо, однако улицу и номер дома повторила дважды. Чтобы, если та всё-таки захочет вылезти, у неё было куда вернуться.

***

Первая записка от Рябинина пришла к Корнееву накануне вечером. Её передал посыльный и попросил расписаться в книге, где никому не показывали предыдущих расписок. Для этой цели на каждую строку накладывали картонку с прорезью. Корнеев сунул в прорезь карандаш и подумал тогда, сколько доверия требует от человека самая обыкновенная предосторожность.

«Многоуважаемый Арсений Петрович, представляю Вам случай получить совершенно законным образом пятнадцать рублей за ответ на один вопрос. Может ли свидетель впоследствии утверждать, что ничего не видел, если его подпись под свидетельством бесспорно подлинная?»

Ниже тогдашнего адреса был приписан новый: павильон машиностроения, утром. Денег в конверте не было. Поэтому Корнеев приехал. Приславшие аванс очень неохотно слышат ответ «не знаю», а вопрос относился как раз к тем, где это самый порядочный ответ.

Он собирался зайти к инженеру позже, когда тому дадут опомниться от открытия. Однако Рябинин выглянул в дверь и показал на него указкой.

— Корнеев? Входите. Подождёте меня внутри. Насчёт маленького господина при вас распорядитесь сами, только пусть ничего у меня не пробует.

Тихон приподнял картуз.

— А если мне предложат?

— Тогда особенно.

У входа на табличке было написано «Ведущих механиков просят отмечать вход и выход особо». Ниже сидел на стуле человек с тяжёлой квадратной бляхой гильдии. Из-под жилета у него тянулась латунная цепочка с плоским концом. Конец лежал на столике в медной чашечке. Всякий раз, как мимо проходил приписной дух, на столике звякало. При появлении Тихона чашечка приподнялась с клеёнки на добрый вершок и перевернулась.

Человек посмотрел на Корнеева. Тихон посмотрел на потолок.

— Старый договор, — сказал Корнеев и открыл заднюю крышку часов.

Гильдейский прочёл выгравированные строки. Поднял взгляд на рыжего. Какое-то слово уже стояло у него на губах; он передумал и ограничился вопросом:

— Вольный от рождения?

— Как и вы, — ответил Тихон. — По крайней мере, смею надеяться.

Их пропустили.

Внутри пахло горячей краской. Краску положили позавчера на железные перила, и там, где к ним прикасались, оставались пальцы в натуральную величину, с крохотными белыми бороздками. Кто-то вытер о них ладонь целиком. Кто-то потом снисходительно провёл над следом большим пальцем и написал «дурак».

Павильон за большой выставочной залой имел собственный внутренний зал для испытаний. Туда вели четыре двери. Две двустворчатые, сквозь которые провозили машины, одна небольшая для прислуги и четвёртая, стеклянная, для публики. Через стекло и смотрели на

турбину, пока всё было заперто. Корнеев, оставив Катеньку вернувшемуся Громыко, пошёл за инженером внутрь.

У самого порога ему на рукав села синяя нитка. Он хотел её снять, но нитка поползла вверх, расправилась и оказалась стрекозой. Какое-то время они с ней шли вместе. Ей достался изрядный кусок осмотра, прежде чем она улетела под крышу.

Турбина всему отделу приносила славу и совершенно не умела за себя постоять на картинке. Корнеев видел её изображение на афише. Рыжеватый цилиндр в облаках пара, перед ним мужчина с факелом, вокруг полунагие фигуры, чьё присутствие на серьёзном промышленном предприятии ничем не оправдывалось. Настоящая машина была чёрная, высотою в два этажа; с того места, где стоял Корнеев, видна была на боку неглубокая рытвинка в литье. Кто-то, пожалев времени на исправление, обвёл её белилами и подписал мелко «сюда целовать». На нижней ступеньке стояла детская кружка с двумя ручками, а в кружке три винта. Возле самой турбины шевелил бумагами сквозняк. Паровые трубы были ещё холодные.

— Уже хочется пожалеть, — сказал Рябинин.

— Кого?

— Вас. Терпеть не можете машин. Лицо, как у моего отца в театре. Он тоже всё ждал, когда выйдут и скажут, зачем звали.

— Ваш отец был благоразумный человек.

— Был сапожник. Первый мой двигатель пять лет держал дверь, чтобы не захлопывалась, и это, надо сказать, был единственный случай, когда тот принёс кому-то пользу. Поглядите на неё вот отсюда. Видите справа квадратное гнездо?

Из пола поднялась девушка, в которой до этой минуты Корнеев видел только пару неподвижных коричневых башмаков под станиной. Лицо у неё было спокойное, поперёк лба шла чёрная полоса. В правой руке она держала линейку, в левой огарок свечи. Воск тёк, на руке давно уже застыла круглая белая капля. Она щёлкнула по ней ногтем, капля улетела под машину.

— Всеволод Ильич, вы ему показываете старое гнездо, — сказала девушка. — Это я просила его вчера завесить.

— Чтобы люди не путались?

— Чтобы вы не путались.

Рябинин покорно сдвинулся на полшага.

— Черчу я хуже неё, Корнеев, — сообщил он без тени досады. — Зато могу позволить себе ошибиться дважды, а она только раз. Со второго перестанут говорить «Соболева ошиблась». Скажут «вот видите, что получается, когда берут женщин». Анна Васильевна, покажите господину, где у нас договор.

— У него руки чистые?

Корнеев предъявил левую, потом правую. На подушечках правой белела бумажная труха от потухшей папиросы. Анна Васильевна дала ему свою тряпку, подождала, пока вытрет пальцы, и отвела маленькую чугунную шторку.

За нею под стеклом лежала полоска тонкого светлого дерева. К ней по всей ширине прилегал красный металл, испещрённый вдавленными чёрточками. Несколько крошечных зазубрин на краях дерева и металла приходились точь-в-точь одна против другой. Корнееву случалось разбирать в окружном суде спор по такому договору. Там на заседании тоже клали рядом две половины, и двое честнейших экспертов долго доказывали, что дерево не могло усохнуть за зиму на толщину человеческого волоса. Пока спорили, оно усохло ещё на полволоса, что чрезвычайно ускорило решение.

— Пальцами прикрывать не надо, — сказала Анна Васильевна. — Дышите.

Он дохнул на стекло. На запотевшем месте выступили слова. Корнеев прочёл имя Рябинина, срок работы и ещё две строки обязательств, составленных с той изумительной бережливостью на запятые, которую в людях образованных воспитывает отчётность.

— Диву здесь предлагают служить исправно, — сказал он. — Про плату я ничего не разобрал.

— Вам предлагают лицевую сторону, — отозвалась Анна. — На ней обязанности ведущего. Обязанности дива читают с другой.

Корнеев снова наклонился. Выходило, что это Всеволод Ильич обязан служить исправно. Он обернулся к Тихону, ожидая удовольствия на знакомом лице. Рыжий стоял вдалеке, перед перилами. На них прямо против него бурела надпись про дурака. Почему-то её он не читал. Смотрел вниз себе на ноги.

— Тебе что?

— Монета укатилась.

В трёх шагах от Тихона лежала медная копейка. Между ним и Корнеевым было от силы шесть саженей. Он превосходно мог бы сделать ещё три шага.

— Ну так подбери.

Тихон сжал рот и сунул руки в карманы.

— Чужая.

Анна протянула линейку и подогнала деньги носком башмака к нему. Он взял копейку. В этот момент Корнеев невольно тронул свой жилет. Часы оттягивали карман. Цепочка крепко держалась в петле.

— Когда здесь в последний раз был пар? — спросил он.

— Позавчера, — ответила Анна.

— Вчера в половине восьмого, — одновременно произнёс Рябинин.

Они посмотрели друг на друга. Анна погасила свечу, защемив пальцами фитиль.

— Вчера меня уже не было.

— Потому и не было, Анна Васильевна, что я вас отослал. Никакой тайны. Все этого хотели, все теперь довольны. Корнеев, ответите мне на вопрос?

— Какой именно? У меня их уже три.

Рябинин взял его под руку и отвёл к окну. За стеклом продавали лимонад. Мальчишка ставил стакан под кран, девушка поворачивала ручку. У ней от сладкой воды слиплись пальцы, и после каждого стакана приходилось разлеплять их большим пальцем другой руки.

— По моей части есть одно удобство, — сказал инженер. — Дрянную машину, случается, принимают за хорошую. Но нельзя, чтобы она восемь лет была дрянная, а на девятый год, как пошли разбирать дело в суде, вдруг оказалась восемь лет хорошая. У вас это можно?

— Вы хотите оспорить свою подпись?

— Именно что не свою.

— А чью же?

Рябинин вынул часы. Заглянул в них безо всякой нужды, не отстегнув крышки. У него на запястье в глубокой складке осталась полоска чёрного мыла. Этой весной Корнеев провёл две недели над растратой в красильном заведении и с некоторой тоской подумал, что здесь, среди железа, его ждёт та же история. Сначала кажется, будто все говорят неправду. Потом выясняется, что некоторые искренне верят собственным книгам.

— В моей мастерской работал один человек, — сказал Рябинин. — Его вдове платили сорок рублей в год. Со вчерашнего дня вычеркнули. Показывают мне ведомость за его подписью, что он получил всё сполна. Подпись, Арсений Петрович, его. Своего имени он писать не умел, у него получалась такая курица на трёх ногах, по ней и узнавали. Я сам нанимал и сам рассчитывал каждую субботу. Я ещё в гроб ему в ноги положил новые сапоги, потому что он

ко мне пришёл в лаптях и так стеснялся, бедный чёрт, в новой мастерской первый раз стукнуть каблуком.

— Когда умер?

— Восемьдесят восьмого года в марте.

— А ведомость?

— Вчера в половине восьмого. Её мне показали влажной. Я пальцем влез. Вот, отмылся, наконец.

Он взглянул на свои руки с чистым, неподдельным отвращением. За окном с липких пальцев девушки соскочила ручка лимонадной машины. Мальчишка тотчас залился смехом и получил подзатыльник. Полстакана, которое успело налиться, он предусмотрительно выпил.

— Как звали рабочего? — спросил Корнеев.

— Макар. Макар Ильич Шубин. Сорок рублей, понимаете? Среди всей этой прорвы денег кому-то понадобилось отобрать сорок вдовьих рублей.

— Кому вы говорили?

— Недели три назад я написал Брянцеву, что по старым договорам осталось семь вдов. Он велел представить имена. Вчера мне показали первую расписку. Сегодня на пуске здешние господа будут расписываться все до единого; основания у каждого свои, а чернильница одна. Я хотел, чтобы вы посмотрели на неё.

— Почему вчера вечером вы спрашивали меня о свидетеле, а сегодня говорите о чернильнице?

На это инженер ему ответить не успел. Лев Семёнович Лунин вошёл из большой залы, неся на своей дощечке широкий лист желтоватой бумаги. Поверх листа лежал ярлык, отпечатанный крупными буквами: «Работу принял». В правом верхнем углу самого листа чернилами стояла цифра восемь, перевёрнутая боком. Вернее, Корнеев принял её за восьмёрку, пока не увидел второй такой же на манжете у Лунина. Обыкновенный след от двух скреплённых проволочных колец.

— Всеволод Ильич, прошу вас. Сборщики со вчерашнего не получали. И если можно, с часом. Касса считает от полудня, а то опять мальчишке ночные не дадут.

— Вы мне с утра шестую уже подносите, — сказал инженер.

Он отогнул ярлык и пробежал лист. Корнеев видел через его плечо ведомость по установке защитных перил. Пять человек, каждому по рублю двадцать, отдельно одному мальчишке двадцать копеек за ночные часы. Даты, имена. Корнеев сам задержался глазами на этих двадцати копейках. Сколько раз приходилось видеть в деле на сто тысяч расписку за двадцать копеек как единственную бумагу, за которой стоял живой человек.

Рябинин расписался, уместив свою фамилию ровно между словами ярлыка. Получилось: «Работу Рябинин принял». Внизу прибавил время — без четверти двенадцать.

— Отдайте им сейчас же, — сказал он. — А то у вас одним на чай, другим на книги, а у мальчишки двадцать копеек доныне на бумаге.

Лунин сложил лист.

— Непременно.

— Вы давно в Нижнем? — спросил у него Корнеев.

— Бесповоротно или с перерывами?

— Хоть с перерывами.

— С восемьдесят восьмого года. А что?

— Да вот никак припомнить не могу, где мы прежде встречались.

— Я прежде принимал городские фонари. Если вы имеете обыкновение по вечерам смотреть вверх, то вряд ли меня заметили. Все смотрят, зажглось ли наверху, а деньги платят тому, кто стоит внизу.

Он учтиво поклонился и вышел. Корнееву стало неловко. В действительности он прежде его никогда не видел и выдумал это ровно за тем, чтобы узнать, был ли тот знаком с покойным рабочим. Ответ оказался доброжелательный, совершенно в духе человека, который из своего кармана вынул рубль за чужую кукушку. Неловкость имела ещё и то неприятное свойство, что не мешала запомнить сказанное дословно.

— Сборщики получат? — спросил он.

— У Лунина получат, — сказала Анна. — Если хотите кого-нибудь заподозрить, спросите лучше, кто накануне вымыл полы.

— А что такое с полами?

Она поднесла огарок к самому полу и показала на него синим ногтем. В щелях свежевыструганных досок набилась белая мучка. От неё слегка тянуло анисом.

— Так моют, когда здесь кому-нибудь дурно стало, — сказала Анна. — От рвоты помогает. Запах перебивает. У нас испытания по вторникам и четвергам. Полы мыли в среду. Вчера я пришла — опять вымыты.

Рябинин подошёл и встал рядом. Анна не отступила. Он нагнулся, потёр доску, понюхал палец. Они делали это так согласно, как люди, у которых за долгую совместную работу половина мыслей уже стала общей. И лишь потом у Рябинина выступил пот на лбу.

— Сколько раз? — спросил он.

— Это я у вас хотела узнать, Всеволод Ильич.

Из большой залы принесли звонок. Там уже выстраивались приглашённые. Инженер ещё несколько секунд глядел на доски. Потом велел вывести всех из испытательного отделения. Он останется один и сам проверит регулятор; если через пять минут не даст сигнал к пуску, публика может отправляться восвояси.

Анна хотела возразить. Он снял с носа пенсне.

— Аня, я тебя прошу.

Вот этих четырёх слов Корнеев предпочёл бы не слышать. Против «Анны Васильевны» она умела стоять до вечера, а тут сразу потянулась за чертежами. Убирая линейки, всё же сдвинула одну к краю стола так, чтобы медный конец выдался в проход. Человек, которому вздумается пройти здесь впотьмах, непременно заденет, и линейка упадёт. Корнеев так же оставлял у себя в конторе дешёвую стеклянную пепельницу на краю подоконника. Это сразу расположило его к Анне куда больше, чем спокойный голос и красивые руки, на которые он с недавнего времени пытался не смотреть.

Они вышли через стеклянную дверь. Анна заперла её снаружи ключом, а Рябинин изнутри опустил железную перекладину в две скобы. Длинную половину одного из больших входов уже перегораживал тяжёлый брус; на другом входе Рябинин собственной рукой задвинул второй. Он хорошо был виден через стекло до пояса, а выше стекло ловило солнце. У маленькой двери для прислуги пришлось нагнуться. С той стороны ответили сперва два железных удара, затем короткий деревянный стук.

— Там один засов? — спросил Корнеев.

— А вы сами только что считали, — отозвалась Анна. — Даже губами шевелили.

— Я всегда ими шевелю, когда думаю.

— Как неудобно вам должно быть при допросах.

Тихон дёрнул Корнеева за рукав. Глаза у него были жёлтые, с тёмной чертой от верхнего века до нижнего. Человеческий облик он держал сейчас плохо, и эта черта то расплывалась, то сходилась вновь.

— Пойдём отсюда, — сказал он.

— Ещё пять минут.

— Ты сколько мне задолжал?

— Смотря за что.

— С осени. Калачей, чаю, пряников, мелочью. Я тебе говорил, а ты всё твердил, что запомнишь, и ни разу не записал.

— Рубля три, должно быть, — сказал Корнеев.

— Четыре с полтиной. Я тебе их прощаю. Пойдём сейчас.

Прежде чем Корнеев успел ответить, в зале за стеклом Рябинин подошёл к машине. Он закатал левую манжету. Серая лента его подтяжек сползла с плеча, он подхватил её двумя пальцами и поправил. С этим движением, будничным и каким-то домашним, человек по ту сторону двери вдруг стал виден весь, от подбитых гвоздями каблуков до маленькой проплешины в седых волосах. В руке он держал сложенный лист. Положил его возле детской кружки с винтами, затем повернул руку ладонью вверх, точно хотел подставить её под дождь.

Было без десяти двенадцать. Корнеев потом проверит это по четырём часам, и ни одни с ним не разойдутся.

Рябинин посмотрел на своё запястье. На нём у самой кисти сперва появилась белая полоска. Он хотел её стереть и с некоторым удивлением обнаружил, что обе руки у него заняты, хотя ничего уже не держал. По крайней мере, именно это прочёл Корнеев в его лице. Инженер поднял глаза, нашёл за стеклом Анну и совершенно отчётливо, одними губами, произнёс короткое слово.

Она сразу взялась за ключ.

Рябинин сел на нижнюю ступеньку, промахнулся и оказался на полу. Кружка с винтами опрокинулась. Два винта покатились вправо, третий остановился возле его левого уха.

В большой зале захлопали. Из задних рядов не видели пола и решили, что началась демонстрация.

Анна повернула ключ. Дверь подалась к ней на толщину ногтя. Изнутри на обеих скобах лежала перекладина, которую они сами только что видели в руках у Рябинина. Корнеев ударил плечом. Шляпа свалилась, он отшвырнул её ногой и ударил ещё раз. Кто-то сзади схватил его за пояс, чтобы помочь. От их общего усилия лопнула тонкая накладная планка, и из щели брызнула в лицо тёплая белая краска. Железо удержало.

— Правое стекло! — крикнула Анна. — Левое проволочное!

Громыко, успевший передать дочь торговцу лимонадом, подал ей тяжёлую рукоять от деревянной кукушки. Первый же удар открыл в стекле маленькую круглую дыру. Вторым Анна снесла почти весь нижний угол. Корнеев просунул руку, приподнял перекладину. Она была тёплая, краска липла к пальцам.

От двери до инженера он насчитал одиннадцать собственных шагов. На восьмом звякнула под машиной упавшая линейка, на одиннадцатом он уже опустился рядом с Рябининым и увидел выше кисти бурый след, ровный и узкий, как от туго завязанной нитки.

Врач оказался совсем рядом, среди приглашённых. На коленях у него вытянулись пузыри — должно быть, успел проделать весь путь из Москвы в одном костюме, — и эти несчастные пузыри странным образом успокоили Корнеева. Сейчас подойдёт настоящий доктор с примятым воротником и примется за настоящее дело, которому обучался бог знает сколько лет. Ничего, что у остальных пальцы в краске, а у Анны в волосах стекло.

Доктор расстегнул на инженере рубашку. У него ушло несколько секунд на то, чтобы достать часы, а потом гораздо больше на то, чтобы спрятать их обратно. На остальных он всё это время не смотрел. Корнеев понял раньше, чем тот поднял голову.

— Скончался, — сказал врач.

За стеклом у кого-то продолжал щёлкать складной веер. Длинная череда одинаковых щелчков. Корнееву никак не удавалось сообразить, зачем человеку без конца то раскладывать, то складывать веер, пока он не увидел в руках у Анны деревянную рукоять. Щёлкала кукушка. Маленький механизм, дождавшись наконец правильного поворота, принялся добросовестно отсчитывать без четверти двенадцать — время, в которое Катенька его завела.

Тихон подошёл к месту, где лежал третий винт. Присел. Тронуть тело ему никто не позволил бы, и он об этом знал. Смотрел он на чисто вымытый пол у локтя Рябинина. Под локтем белела та самая ведомость, которую инженер положил возле кружки.

— Он тебе сказал что-нибудь? — спросил Корнеев у Анны.

Она вытянула из волос кусочек стекла. Острый краешек был в крови.

— «Семь», — ответила она. — Я так прочла.

Семь вдов. Господи, подумал Корнеев, зачем человеку в последние секунды обязательно вспоминать то, что удобно для следствия? Может быть, он сказал «сядь». Или «свет». Или произнёс домашнее имя женщины, которую она, Анна, ему напоминала.

В дверях уже распоряжался Громыко. По его приказу поставили людей ко всем четырём входам. Впускали только доктора, околоточного и двух понятых. Корнеев успел попасть внутрь раньше, а Тихон, по городскому положению, проходил как личная вещь.

Вещь подошла к владельцу. Прижалась левым, твёрдым от напряжения плечом к его колену.

— Твои часы сейчас где? — еле слышно спросил Тихон.

Корнеев достал хронометр, показал ему латунную крышку с глубокой вмятиной. Эту вмятину они нажили в трактире, когда Тихон первый раз решил заплатить за себя сам, а буфетчик отказался принимать в уплату лист подорожника.

— На месте. Ты чего хотел?

— Чтобы ты их открыл.

Корнеев сунул ноготь под крышку. Стрелки показывали без десяти двенадцать; секундная шла своим порядком. На внутренней стороне крышки под выгравированным договором было ещё одно крохотное гнездо, всегда пустое, сколько он носил часы.

Теперь в нём сидел винт.

Корнеев пересчитал те два, что укатились вправо. Нашёл глазами третий у левого уха покойного. Все три были на месте.

Тихон смотрел на четвёртый.

— Сеня, — сказал он, впервые за семь лет назвав его так при людях. — Пока мы стояли у двери, кто-то завёл меня с другой стороны.

Корнеев закрыл крышку. Ему хотелось прежде всего завернуть винт в бумажку, на бумажке поставить час и расписаться поперёк сгиба. Три года частной практики, а казённые привычки держались крепче казённого жалованья.

— Тебе больно?

Тихон посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Пока не спросил, было терпимо. Теперь ведь надо разбираться.

Корнеев протянул ему часы на ладони.

— Посмотри сам.

Прежде он этого не делал. Когда хронометр отдавали в чистку, Тихон удалялся в кухню, садился спиной к часовщику и до конца работы ел всё, что находил в буфете. Однажды, застав его за постным маслом, Корнеев сказал, что можно было бы поберечь хозяйские припасы. Див ответил, что и хозяин, вероятно, скушал бы лишнего, пока посторонний человек лазает у него отвёрткой между рёбрами.

Теперь Тихон придержал крышку пальцем. Винт с места не тронул.

— Ничего, — сказал он после недолгого осмотра. — В меня не вошёл. Только шляпку вижу.

— А сам ты как про него узнал?

— Меня попросили подвинуться.

— Кто?

— Знал бы, я бы подвинулся в другую сторону.

Громыко, подойдя, вынул из кармана Корнеева сложенный чистый платок, обернул им острую кромку разбитого стекла и только после этого спросил:

— У тебя взять можно?

— Уже можно. Ефим Лукич, распорядись, чтобы часы в зале сверили прежде, чем кто-нибудь додумается перевести на полдень. На моих без десяти было, когда он упал.

— На моих тоже. Одолжи ещё карандаш.

— У меня один.

— В последний раз прошу.

— Это ты в восемьдесят седьмом первый раз сказал.

Разговаривая так, они оба смотрели на Рябинина. Прошло всего несколько минут, и человек на полу утратил всякое сходство с тем, кто, стоя на табурете, задолжал фирме Крюкова за пожарную лестницу. На левой щеке у него проступил от пола отпечаток сучка. Больше всего Корнееву мешала детская кружка. Как будто кто-то должен был скоро прийти за нею и теперь нельзя было ни отдать, ни объяснить, отчего её не отдают.

Доктор накрыл покойному лицо своим пиджаком.

— Простите, господин доктор, — обратился к нему высокий мужчина, только что допущенный за ограждение. — Обратит ли полиция внимание, что мои люди дежурили снаружи?

Он держал в руке серебряную трость. По-русски говорил почти безукоризненно, с лёгким избытком уважения к безударным гласным.

— Обратит непременно, — ответил доктор. — Как только я сделаюсь полицейским.

— Перед вами околоточный надзиратель, — подсказал Громыко.

Мужчина повернулся к нему.

— Профессор Леопольд фон Шталь. Приглашён для освидетельствования машины. Мы с покойным состояли в переписке, временами довольно резкой. Моя последняя записка, вероятно, лежит у него в кармане. Прошу этот карман при мне осмотреть.

— Отчего же при вас?

— Если её обнаружат впоследствии, получится, что я скрыл нашу ссору. Если не обнаружат, мне придётся объяснять, куда исчезла записка. Я бы предпочёл всего одно затруднение. У меня на сегодня ещё заседание.

Он говорил разумно. До того разумно, что даже трудно было вспомнить, о чём бы естественно спросить прежде записки и заседания. Вспомнила Анна.

— Он вам живой был нужен, Леопольд Карлович?

Профессор посмотрел ей в лицо.

— Чрезвычайно. Нас осталось двое, кто умеет рассчитывать эту машину. Теперь мне будет очень трудно доказать, что я рассчитываю её лучше.

Он отдал ей короткий поклон, без обычного мужского довеска, который полагается молодой женщине, и отошёл за ограждение. Трость его при каждом втором шаге оставляла на полу маленький полумесяц. На набалдашнике серебро, подумал Корнеев, а внизу набойка стальная, с одного бока сбита. Значит, правая нога больная либо выставляет её излишне далеко. Вещь сама по себе самая пустая. Однако сколько раз случалось ему потом дорого платить за то, что пустую вещь поленился заметить.

— Кто распоряжается павильоном? — спросил Громыко.

Ему указали на троих. Один распоряжался зданием, другой отделом машин, третий порядком приёма приглашённых. Для первых двух Рябинин был лицом подведомственным, для третьего — человеком, чья пригласительная карточка при нём до сих пор не найдена. Третий по этой причине считал удобнее обсуждать случай в другом помещении.

— Карточку свою отдайте, — предложил Громыко.

— Для чего же?

— Покойнику. Станет всё по правилам, и побеседуем здесь.

Маленький любитель порядка обиделся и исчез. От остальных двоих удалось добиться, что пар в турбину в тот день не подавался. Главный паропровод отделяла от машины глухая заглушка. Один из понятых, толстый человек в летнем пальто, с особенным удовольствием убедился в этом лично. На вопрос, как его записывать, назвался агентом страхового общества. Корнеев узнал белый шрам на носу. Утро как будто замкнулось кольцом.

— Теперь ваши двери, — сказал Громыко. — Ничего не поправлять, никому засовов не трогать. Для начала я желал бы знать даже и то, отчего барышня поняла, какое стекло бить.

— Левое я заказывала сама, — отозвалась Анна. — Месяц назад туда въехали тележкой. Одно сменили. На второе денег пожалели.

— Какое счастье, что пожалели, — заметил страховой агент.

Анна взглянула на накрытое пиджаком тело. Агент снял шляпу и отступил.

Корнеев обошёл зал. За чугунной станиной от пола поднималось толстое колено трубы, по которой к турбине предстояло пустить отработанный пар от соседней машины. В окнах не было ни одной открывающейся рамы, только под самой крышей шёл ряд фрамуг. Шнуры от них заканчивались здесь же, и на пыльных деревянных грушах белели свежие порядковые номера. Половицы новые, прибитые густо. Стеклянная дверь до той минуты, как Анна повернула ключ, была заперта с обеих сторон. Большие ворота на месте. Брус в скобах весил пуда три. За вторыми воротами стояла нагруженная платформа, которую при всём желании пришлось бы сперва откатить; колёса её сидели в свежей краске, точно в сургуче. Оставалась маленькая служебная дверь.

На ней сохранились следы старого запора. Новый был поставлен чуть выше. На срезе засова ещё пахло льняным маслом; с наружного бока его ничем нельзя было подцепить, да и незачем: Рябинин собственноручно загнал железо в скобу. Это Корнеев мог засвидетельствовать, насколько человек в здравом уме может засвидетельствовать то, чего собственными глазами не видел.

Он остановился.

В том-то и было дело, что у этой двери Рябинин нагнулся. Его руки исчезли ниже мутной полосы, которой стекло украсили для красоты. Корнеев видел спину инженера. Засов же он слышал.

Он вернулся к остальным.

— Когда Всеволод Ильич запирал эту дверь, кто на него смотрел?

Из десяти человек девять подняли руку. Десятый, оказавшийся мальчиком, продававшим программы, сказал, что в тот момент глядел на Анну Васильевну. Та впервые за всё утро улыбнулась, притом довольно печально.

— Молодому человеку тринадцать лет, — пояснил торговец лимонадом, приходившийся ему дядей.

— Это нисколько не портит его показаний, — сказал Корнеев. — Все девять видели, как господин Рябинин закрыл засов?

Все девять видели.

— В какую сторону толкнул?

Пять человек указали вправо, трое влево. Девятый сказал, что в ту минуту стоял к двери спиной.

— Тогда как же вы видели?

— Я в стекле отразившись.

Ответ был настолько хорош, что Корнеев подтащил свидетеля к тому самому стеклу и честно попытался разглядеть за собственной спиной дверь. Увидел двух оторопелых господ в отражении и то, что у него распустился галстук. Дверь не увидел.

— А что вы слышали? Вот вы, — обратился он к страховому агенту. — Можете повторить?

Тот с готовностью откашлялся:

— Дынь-дынь. Ток.

Громыко медленно повернулся к нему.

— На письме мне это, Аркадий Савельевич, как передать?

— Оставьте для музыки пропуск.

Остальные небольшими поправками довели звуковую картину до сходства с железнодорожной катастрофой. Большинство сходилось на двух железных ударах и одном негромком деревянном. Исключение составляла Катенька Громыко. Она давно вернулась к отцу, от лимонада у неё над верхней губой были густые липкие усы, и, выслушав взрослых, она сказала:

— Никто последний не делает.

— А ты сделаешь?

Она положила кукушку на скамью, потянула себя за губу и отпустила. Получилось очень тихое, влажное «пок». Стоявший рядом сторож фыркнул. Катька насупилась и отвернулась.

Корнеев сел перед нею на корточки. Он тоже слышал этот звук. Теперь, когда девочка его повторила, вспомнилась подробность: от первых двух ударов дрогнула стрекоза на стекле, на последнем она уже сидела смирно.

— Катя, ты уверена, что это дверь сделала?

— Нет.

— А почему сказала?

— Вы спрашивали, что я слышала. А где дверь, мне из-за пояса не видно было.

Она обвиняюще поглядела на живот страхового агента. Корнеев попросил Громыко записать слова дочери как есть. Околоточный занёс их в книжку, и вместе с этой короткой записью на лицо девочки вернулось благополучие.

Внизу у служебной двери в самом деле нашлось нечто любопытное. Над скобой из дерева торчали два блестящих усика, загнутых внутрь. Вероятно, прежде на них крепилась жестяная табличка. На нижнем усике остался клочок бумаги величиной с половинку овсяного зерна. Корнеев придержал его ногтем, прежде чем кому-нибудь вздумалось дунуть. Бумажка была жёлтая, плотная, в одну синюю линейку. Оттиск буквы на обрывке не уместился; виднелась только одна жирная ножка, отпечатавшаяся на обороте задом наперёд.

— И это под протокол? — спросил Громыко.

— Пиши, где нашли. У дверей есть дурное обыкновение весь день стоять на одном месте, а наутро после происшествия быть совершенно другими.

— Это у нас называется «помыли к прибытию начальства».

Из большой залы в это время донёсся дружный скрип. Сдвигали ограждение. Люди расступились без понуканий, оставив широкий проход для мужчины в летней белой паре. Проще всего было бы сказать, что Савва Игнатьевич Морозов-Брянцев явился как владелец здешнего заведения. В действительности явился он куда внушительнее. Владелец осведомился бы, кто позволил разбить его дверь. Брянцев в первую очередь увидел гвоздь, выступавший из обломанной планки, и молча накрыл его собственной шляпой, чтобы кто-нибудь не распорол себе брюхо.

Шляпа была панамская, хорошая. Из-под полей посыпалась на пол белая пыль.

— Доктор, что?

Тот подошёл к нему. Они переговорили вполголоса. У Брянцева на щеке вырос бугорок. Сжав зубы, он глядел на пиджак над лицом инженера и выслушивал то же самое, что немного раньше выслушали все. Затем спросил, где Анна.

Она стояла от него в четырёх шагах и отлично слышала. С места не двинулась. Пришлось ему самому подойти.

— До вечера контору закроешь. Людям жалованье за весь день. Домой к нему ездила?

— А вы когда успели бы на моём месте?

— Вот и я думаю, что я успел.

Ни «душевный друг», ни «великая потеря» не слетели с его губ. За это Корнеев почувствовал к промышленнику невольное уважение. Брянцев вынул чистый платок и протянул Анне.

— У тебя за ухом кровь.

Она взяла и приложила к порезу. Брянцев тем временем заметил Тихона, державшегося возле Корнеева, и вдруг присел, как тот перед Катенькой.

— Чей будешь?

— Смотря кто спрашивает.

— Морозов-Брянцев.

— А который из двух сейчас присел?

Соседство с покойником не вполне избавляет общество от смеха. Кто-то поперхнулся за воротами. Брянцев выпрямился, достал визитную карточку и написал на её обороте два слова.

— На обед, — сказал он. — Если господин твой позволяет.

Тихон принял карточку за уголок. Посмотрел, прочёл и вернул обратно.

— Здесь на одного.

— А вас сколько?

— Со мной ещё господин. Ему неудобно стоять возле стула, пока я обедаю.

Брянцев вынул карандаш, вставил слово над строкой. Тихон карточку взял. Казалось бы, оба остались при своём. Только купец, наверное впервые в жизни, пригласил на свой счёт частного поверенного, имени которого даже не спросил. Корнеев тем охотнее его назвал.

— Вот как, — сказал Брянцев. — Ваше письмо ко мне?

— Покамест ни одного.

— Мне рекомендовали Корнеева года три назад. Сказали, с ним будет хлопотно, зато интерес казны с интересом одного казённого лица он различает.

— Это было три года назад, — повторил Арсений Петрович.

— Различать перестали?

— Казну.

Брянцев оглядел разбитое стекло и свидетелей, которых Громыко велел удержать до составления списка.

— Хорошо бы к часу освободить публику. Война из-за этого не начнётся, ясное дело, но в час у нас приходят семьи рабочих. Людей с утра отпустили с фабрики. Из Сормова ехали. Дети по малолетству ничего в трауре не смыслят и целый день будут только помнить, как их повернули от дверей.

— Скажите мне, — попросил Корнеев, — сорок рублей вдове Макара Шубина это много для ваших заводов?

Купец внимательно осмотрел его, как покупатель осматривает уже однажды приценённую вещь, когда вдруг выяснится, что продавец прибавил к рублю гривенник.

— Ежели на все заводы, немного. На одну вдову зависит от того, чья вдова. А в какой связи вы спрашиваете?

— Мне поручено выяснить, отчего прекратили выдачу.

— Вот приедьте и выясните. Перед обедом. Этак мы с вами в одной карточке и уместимся.

Он пошёл к доктору. Галстук у него сзади завернулся, под затылком виднелась петля, обвязавшая толстую загорелую шею. И тут Корнеев заметил, что Брянцев, назвав Рябинина покойным и выслушав врача, ни разу не спросил, от чего тот умер.

Хорошенький вопрос следовало бы хорошенько оставить в памяти. На беду, Корнееву в ту минуту вспомнился самовар из его детства. Отец разбил крышку от большого мейсенского чайника. Когда мать вернулась, первым делом сообщил, что замёл весь пол и убрал осколки,

чтобы мальчик не порезал босые ноги. Точно так же придержал локтем бедную женщину, которую потом отправили стирать чужое бельё, и не задал только одного вопроса: кто разбил крышку.

Не нравились Корнееву такие воспоминания. Слишком ловко каждому виновному подставляли родное лицо.

***

Место возле Рябинина освободили, когда часы над входом показали половину первого. Служители принесли носилки. Врач перевернул его левую руку ровно настолько, чтобы полицейский рисовальщик успел занести в книжку след на запястье.

— Любопытно, — пробормотал доктор. — Я его с этой стороны ещё не видел.

Бурая нитка ожога опоясывала кисть почти кругом. На внутренней стороне, над жилкой, оставалось чистое место шириной в мизинец. На одном конце ободок раздваивался.

Рисовальщик кое-как изобразил руку. Вертел книжку, жмурился, снова стирал. У него под карандашом получился вполне убедительный покойник и совершенно непонятный ожог. Анна некоторое время терпела. Взяла чистый лист, двумя движениями очертила край кисти и перенесла на бумагу обе ветви следа. Отметила точками неровности кожи, чтобы впоследствии не принять старую царапину за часть ожога. Её рисунок напомнил Корнееву дешёвый разомкнутый браслет с двумя усиками на застёжке.

— А размер? — спросила она доктора.

Он дал ей мерку. Она подписала размер и передала лист Громыко. Рисовальщик посмотрел, прижал книжку к животу и негромко, без малейшей иронии, сказал:

— Спасибо. Я ведь больше по лошадям.

Ему пришлось тут же нарисовать ещё и винт. Корнеев положил часы на свой платок, раскрыл крышку, а Тихон с величайшей осторожностью провёл ногтем по самому краю пустого гнезда. Винт лёг на бок. Никакой резьбы в гнезде не оказалось. Он всего лишь лёг в выемку и, по счастью, был чуточку шире, чем нужно, чтобы провалиться внутрь.

Корнеев прикинул длину винта. Две нитки резьбы у шляпки блестели, остальные были тёмные. Он попросил принести три, выпавшие из кружки. Их нашли там, где он видел: два справа, один у левого уха, теперь уже на некотором расстоянии от носилок. Все три нигде не бывали, кроме заводской коробки. Нитка на каждом одинаково серая по всей длине.

— Ваш здешний? — спросил он Анну.

Она поднесла винт к окну, повернула донышком к свету.

— Это вообще головка. Посмотрите, низ сплошной. Делали по настоящему винту, даже резьбу сняли. А взяться ей не за что.

— Для чего такое делают?

— Для витрины, чтобы показать работу, когда саму вещь вынули. У нас в отделе точных приборов с полдюжины таких. Приделывают к воску. Я могу узнать чья.

— А если по вашей просьбе завтра витрина вся окажется в настоящих винтах?

— Тогда я уж во всяком случае буду знать, кого именно спросила.

Он запечатал головку в аптечную бумажку. На сгибе поставил час и фамилию. Бумажку отдал Громыко. Ладонь после часов пахла медью. Усмехнувшись над собственной чиновной душой, он всё-таки испытал облегчение. Что можно передать другому человеку из рук в руки, с тем уже не вовсе пропал.

Громыко спрятал улику и протянул ему его карандаш. За полчаса карандаш стал короче на добрый вершок. Платок остался на стекле.

— Ты, Арсений, у меня теперь проходишь одновременно свидетелем, владельцем сомнительного изделия и господином, по собственной воле залезшим в бумаги будущего покойника. Будь добр, не умножай должностей, пока с этими не управимся. Вечером с тебя показание.

— Здесь тебе что кажется?

— Пока кажется, что мне не дадут обедать. Что касается причины смерти, доктор справку даст, становой прочтёт, господа инженеры возразят, а там уж согласуют, кто первый должен был обратиться ко мне. У человека на руке ожог. Мне бы сперва узнать, откуда, если к машине пар не подведён и электрический провод снят.

— Ищи синюю бумагу.

— Жёлтую, — поправил Громыко. — С линейкой синей. Ступай. У тебя нынче память плохая.

Корнеев хотел уйти. Но Катенька Громыко сидела возле стола и терпеливо ждала, когда взрослые освободятся. Кукушка на коленях наконец иссякла. На щеке девочки остался высохший белый след лимонада, и муха тщетно пыталась до него добраться. Катенька сгоняла её всякий раз, как отец поворачивался спиной. Когда смотрел, сидела чинно, поскольку её свидетельство приняли в протокол и надо же было вести себя сообразно.

Корнеев сел рядом.

— Катя, а где ты прежде слышала тот последний звук?

Девочка подумала.

— У папы на столе.

— Сама можешь показать?

— Если дяденька даст.

Она кивнула на столик, за которым Громыко записывал свидетелей. Лунин тем временем принёс чернила, несколько очиненных перьев и тяжёлый гильдейский штемпель. Чернильная подушка под его крышкой высохла по краям, зато посредине её щедро смочили синим. Катенька попросила у Лунина штемпель. Он охотно дал и вдобавок показал, как держать, чтобы не испачкать платье.

Она взяла его обеими руками, поставила на листок и подняла. Раздался едва слышный чмок. Тот самый, ради которого взрослые дёргали себя за губу. Даже Громыко перестал писать.

— Вот, — сказала Катенька и огорчённо добавила: — Только тот был потише.

— Ты у меня умница, — сказал отец и получил на рукаве отчётливый синий оттиск «К осмотру годно».

Лунин засмеялся, промочил край платка и помог очистить сукно. Корнеев подождал, пока он закончит.

— Полагаю, господин приёмщик, вы слышали, как запирали служебную дверь?

— Разумеется. Я как раз был у выхода.

— И сколько времени вы от него отводили глаза?

— Примерно столько же, сколько вы. Ведь никто не думал, что придётся давать показания.

Ответить на это было нечего. Корнеев снял шляпу со скамьи и вышел в большую залу.

Публику понемногу отпускали, пустяки снова становились важны. Пожилая дама потребовала, чтобы ей возместили за сломанное перо на шляпе. Ребёнок орал, что павильон железа ему обещали, а показали одно битое стекло. Его мать, молодая женщина в платье, выдававшем уже третий год бережливости, купила сыну заводную лягушку. При первой же попытке завести та прыгнула под прилавок. Продавец немедленно полез за ней на четвереньках и, пока искал, предлагал оттуда другие игрушки. Мир постепенно обретал прежнее устройство.

У ворот Корнеева догнала Анна. Платок Брянцева она сняла, кровь остановилась. Порез у самого уха был коротенький, точно там прокололи дырочку для ещё одной серьги.

— У вас обязательно контора нужна, чтобы задать вопрос? — спросила она.

— Годится и улица.

— Если человек получал деньги семь лет после смерти, кому они доставались?

— Может быть, человеку. Смотря где он расписался и что там считали деньгами.

Он подождал, не покажется ли ей ответ издевательством. Она приняла его всерьёз.

— И ещё. То, что вы слышали у двери. Это была совсем другая печать.

— Из чего вы заключили?

— Лев Семёнович дал девочке новый штемпель. Только сегодня распаковал. У нового резина ещё мягкая по краям, поэтому он от бумаги отходит сразу. Там сперва один край отлип, потом второй. Старый твёрдый штемпель так отходит. Или деревянная печать, если держали её в воде.

— Прежде вы такое слышали?

— Да. Когда закрыла отцу глаза, пришли описывать мастерскую. Приказчик ставил печати на каждую дверцу. Мне было одиннадцать лет. Я потом уж и голос его забыла. А как печати ставил, могу до сих пор вам повторить. Прощайте, Арсений Петрович.

— Вы куда?

— Как вы думаете? У Всеволода Ильича дома сестра. Я должна ей сказать, пока страховое общество раньше меня не догадалось послать соболезнование с предложением услуг.

Она поправила шляпу. Корнеев заметил, что у неё дрожат пальцы. Странно было теперь вспомнить руки, которые недавно так уверенно разбивали стекло.

— Давайте довезу.

— Я сперва пройдусь. С чем к ней явиться, ещё не знаю.

— С пустыми руками, — сказал Корнеев. — Тогда хоть можно будет обнять.

Она кивнула. За поворотом её догнал Тихон, что-то дал, постоял с ней рядом и вернулся прежде, чем часы потянули его назад.

— А ты что придумал? — спросил Корнеев.

— Дал карточку на обед. Там ведь на двоих. К вечеру и она, и та женщина вспомнят, что с утра не ели.

У входа стояла прежняя кадка с награждённым деревцем. Лента сползла, и ствол выпрямился без её помощи. Корнеев оторвал от ленты короткую нитку и подобрал ею на жилете осыпавшиеся крошки краски. Потом вдруг пришёл ему в голову вопрос, на который он непременно хотел получить ответ до того, как они сядут в вагон и день покатится дальше своим порядком.

— Постой. Почему у машины ты не мог достать копейку? Я был близко. Часы всё время были при мне.

— Ты уверен?

— Цепочка продета в петлю. Не чувствовал разве?

— Сеня, я и теперь чувствую две цепочки. Твоя тянет в одну сторону. А другая почти отпустила.

— Покажи куда.

Тихон пошёл, засунув руки в карманы, как праздный мальчишка. Минуя павильон, свернул за белёную дощатую стенку, где в тени бочки с водой курил караульный. Там пахло стружкой и разлитым квасом. На стене густо сидели нагревшиеся мухи. Изнутри доносились шаги людей Громыко.

Тихон остановился возле маленькой двери для прислуги. Снаружи в неё было вделано кольцо, чтобы удобнее тянуть на себя. На уровне скобы сквозь обе доски проступил свежий жирный сучок.

Див повернулся спиной к двери, отмерил перед собой десять саженей ровно, носок к пятке, по-мальчишески вытягивая при каждом шаге ногу. Корнеев двинулся за ним. Когда поравнялись с углом соседнего навеса, Тихон остановился.

— Теперь тебя прошу одну вещь для меня сделать, — сказал он.

— Изволь.

— Дай часы. Не навсегда. На минуту.

Корнеев отстегнул их. Тихон положил хронометр в нагрудный карман поддёвки. Потом вернулся к двери, и только тогда до Корнеева дошло, что поступить так див прежде и сам ни разу не догадался. Семь лет оба держались в пределах десяти саженей, точно в договоре имелась ещё одна, восьмая, неписаная статья: часы всегда носит человек.

Тихон тронул дверь лбом. За досками снова кто-то прошёл. Задумчиво побарабанил пальцами по косяку.

— Ушла, — сказал он.

— Цепочка?

— Та, другая. Твоя всё при мне.

Он повернулся, и белая краска осталась у него на лбу между бровями. Достал часы, собираясь вернуть, и замер. Из-под латунной крышки слабо пахло дешёвой махоркой. Они оба узнали запах, потому что прежде, чем подойти к самой турбине, им пришлось пройти мимо старого гильдейского сторожа с медной чашечкой. Тот курил именно такую горькую гнилую махорку пополам с донником. Корнеев ещё подумал, что никому на свете, кроме сторожа, не пришло бы в голову соединить два и без того довольно мучительных свойства.

— Табачку захотелось, — сказал он караульному. — Где старик, который у входа дивов отмечал?

— Пошёл обедать.

— Когда?

— А как все руки подняли. Ушёл себе.

— Ты его знаешь?

— Мало ль их, дежурят. Вся неделя новые. У него спросите, — караульный указал на лист дежурств под стеклом.

Против сегодняшнего числа стояла фамилия «Шубин». Почерк разборчивый, конторский. Корнееву впервые за долгое время пришлось напомнить себе, что Шубиных вдоль Волги от Рыбинска до Астрахани достаточно, и у каждого при рождении было такое же законное право звать своего сына Макаром, как у всех остальных.

Под именем имелась клетка для расписки о сдаче дежурства. В клетке чернила ещё блестели.

Расписался старик скверно. Вывел что-то круглое, приплюснутое, а снизу пристроил три расходящиеся палочки.

Курица на трёх ногах.

— Сними лист, — попросил Корнеев караульного. — Только края возьми. И пошли за околоточным. Скажи, нашёлся человек, которого он непременно захочет допросить.

Караульный открыл застеклённую крышку. На живицу в сосновой рамке прилипла та самая синяя стрекоза, что проехалась утром у Корнеева на рукаве. Он освободил ей крыло. Она посидела у него на пальце, привела себя в порядок и улетела.

Тихон стоял рядом, всё ещё держа часы в своей руке. Таким образом и выяснилась последняя подробность этого утра, для доктора совершенно бесполезная, для околоточного недостаточная, а для частного поверенного вполне убедительная.

Рябинин тем утром пригласил его свидетелем. Сам Корнеев по самонадеянности воображал себя сыщиком. Стоило на минуту отдать часы другому, и открылось, где ему в действительности отвели место.

В клетке за подписью покойника, там, куда должна была лечь рука следующего дежурного, кто-то заранее вписал чернилами его собственную фамилию.

Глава 2. Свидетель в туши

Первым человеком, согласившимся под присягой подтвердить, что Макар Шубин умер восемь лет назад, оказался сам Макар Шубин. Так, во всяком случае, выходило по бумагам.

Громыко разложил их на скамейке. Слева лежала выписка из церковной книги, которую по просьбе Рябинина ещё накануне приготовили для вдовы. Справа — лист дежурств со свежей подписью покойника. На обороте листа всякий вступивший на службу расписывался ещё раз, под словами о правдивости сообщённых о себе сведений.

— Для нашего делопроизводства идеальный человек, — сказал Громыко. — С обеих сторон согласен.

— А выписка у тебя откуда?

— Из внутреннего кармана покойного инженера. Там же записка профессора. Прелюбопытная. «Завтра при свидетелях я буду иметь удовольствие положить конец вашему предприятию». Подпись, число. И далее по-французски, чтобы не пропала дружба.

— Он сам велел обыскать карман при нём?

— Сам. И пока мы читали, поправил перевод. Оказывается, «удовольствие» он имел в виду самое умеренное. Душевный человек.

Арсений Петрович взял выписку. В книге значилось, что мастеровой Макар Ильин Шубин, сорока девяти лет от роду, скончался от грудной болезни, исповедан, приобщён и погребён. Человек, у которого были жена, сапоги, своё мнение об устройстве печей и скверный табак, уместился в трёх строчках. Для причта этого было достаточно. Для вдовы, вероятно, с избытком.

— Кто выписывал фамилии дежурных?

— Чистовые списки ведёт контора выставки. Мне пока дали четыре разных ответа, и все сводятся к тому, что жалованье за это получает кто-то другой.

— Моя фамилия там давно?

— Вчера вечером тебя в списке ещё не было. Караульный помнит, потому что у него под стеклом ночевали бутерброды. Попросил меня в протокол не включать.

Тихон, стоявший по другую сторону скамейки, внимательно посмотрел на караульного. Их, видно, сближало представление о том, для чего вообще существуют казённые шкафчики.

— Ты старика видел? — спросил Громыко у Корнеева.

— Видел. Описать смогу хуже, чем хотелось бы. Бляха гильдейская, тяжёлая, жёлтая. Махорка с донником. На большом пальце правой руки ноготь отрос после удара, свежая половина розовая. Лицо...

Вот как раз с лицом ничего и не получалось. Пока гильдейский читал договор, Корнеев смотрел ему прямо в глаза. Помнил даже, как на нижних веках лежали редкие рыжеватые ресницы. Стоило отступить чуть дальше и попытаться собрать из этих подробностей живую физиономию — выходил пожилой человек, в меру уставший от дела, которым его заняли. В Нижнем таких утром открывали ставни тысяч десять.

— Дай лучше мне доктора, — сказал он.

Врач сидел за разбитой дверью и пришивал к сюртуку пуговицу. В первый раз Корнеев видел, чтобы мужчина этого возраста и положения носил при себе чёрную нитку, намотанную на спичку. Увидев, куда смотрят, доктор пожал плечами.

— Третья сегодня. Первую потерял в вагоне. Вторую в гардеробе подобрали и продали мне за гривенник. Надеюсь, третью хоть до гостиницы донесу.

Звали его Сергеем Фомичом Беляевым. Служил он прежде при земской больнице, теперь состоял врачом механического отдела. Говорил без той деликатной медлительности, с которой иные доктора объясняют здоровому человеку, что тот пока ещё здоров по недосмотру науки.

— Сердце? — спросил Корнеев.

— Остановилось несомненно.

— Само?

— Это, простите, уже вопрос философский. С электрическим ударом я бы пока погодил. У него волосы у самого ожога сохранились. Торчат себе три штуки поперёк полосы. Хотите нарисую?

— Видел рисунок Анны Васильевны.

— Она и заметила. Я глядел на пульс, а она мне про волосы. Неприятно иногда, когда хорошо образованные женщины оказываются правы до окончания твоей собственной мысли.

Он перекусил нитку, несколько раз энергично дёрнул пуговицу и остался доволен.

— Рисунок ожога я в заключение приложу. А про ток пока не скажу ни да ни нет. Три года назад я вот так же поторопился и записал человеку смерть от молнии. Позвали меня потом к нему же зуб рвать. Премного был благодарен судьбе, что он меня сперва не узнал.

— А что это было?

— Упал с воза в обморок. Гроза случилась рядом и потому, по замечательному человеческому обычаю, получила всю славу.

Из-за перегородки голос с лёгкой хрипотцой осведомился, не готово ли заключение.

— К вечеру, — крикнул Беляев.

— Нам для сообщения газетам самое малое требуется!

— Напишите число и месяц. За них ручаюсь.

На выходе к Корнееву приблизился человек, присутствие которого Арсений Петрович с некоторых пор замечал прежде его появления. У окружающих делался внимательный вид, словно их застигли за чтением чужого письма. Лунин нёс аккуратно сложенные перчатки.

— Караульные списки, Арсений Петрович, шли и через меня, — сказал он. — Не ищите виноватого за соседним столом. Я выдавал бумагу, принимал заполненное, а сегодня развесил. Про старика говорить мне с вами здесь неудобно.

— Отойдёмте.

— Видите ли, в том и дело, что говорить особенно нечего. На дежурство часто приводят старых мастеровых. Для них это гривенники к пенсии, для нас человек, которому не надо объяснять, с какой стороны у нас лестница. Я бы очень не хотел, чтобы из-за одного самозванца лишили заработка остальных.

Корнеев положил два пальца на лист дежурств.

— Эту фамилию кто вписал?

Лунин склонился к его руке. При этом он сперва посмотрел именно туда, где лежал указательный палец, и только потом прочёл имя.

— «Корнеев». Почерк девичий.

— Анны Васильевны?

— Зачем же. У неё восьмёрка с открытой верхней петлёй. На чертежах хорошо видно — она начинает с середины. А здесь обе петли замкнуты.

— Покажите, Лев Семёнович, где в моей фамилии восьмёрка.

У Лунина на щеке обозначилась ямочка.

— Хорош, — сказал он без обиды. — В правой графе я её вижу, где восемь дежурных часов. А вы и в самом деле любите, чтобы вам отвечали на тот вопрос, который задали.

— Это экономит время.

— Иногда, — сказал Лунин. — Иногда вследствие такой экономии приходится встречаться дважды.

Он убрал перчатки в боковой карман. На манжете вновь показался след двух колечек. Корнеев взглянул на дощечку под мышкой у приёмщика. В верхней её части располагался маленький пружинный зажим, и, когда Лунин опускал руку, кольца замка в точности попадали

ему на манжету. Вот вам и тайна, самая дешёвая в этом деле. Корнеев, однако, с сожалением отпустил эти два подозрительных, ни в чём не виноватых кружочка. С ними легче было обращаться, чем с человеком, чьё лицо терялось в памяти.

***

К себе на Большую Покровскую он вернулся после трёх. По дороге Тихон не проронил ни слова. Хронометр лежал во внешнем кармане пиджака: возвращать его под жилет показалось Корнееву теперь каким-то излишним усердием.

Контора занимала две комнаты над магазином готового белья. На лестнице пахло крахмалом, на площадке свежими огурцами; здесь, на каменном полу, хозяйка держала бутыль с огуречным рассолом. Поднявшись, Корнеев сразу заметил в замочной скважине соринку. Вынул её и положил на порог. Горничная по утрам вставляла в скважину тонкую щепочку и, пока хозяин не вернулся, отворяла просителям ровно настолько, чтобы щепка не упала. Изобретение было её собственное. Иногда Корнееву думалось, что состариться на службе ему помешало отсутствие именно такого ума.

На столе лежали три послания. Первое касалось долга в девять рублей, который одна сторона признавала полностью, но была готова отдать только семь, поскольку остальные два должник давно уже простил себе лично. Во втором мужа искали в городе, куда он не ездил, на основании письма, которого жена обещала ни за что не показывать. Третье оказалось из магазина белья. Внизу справлялись, не намерен ли Арсений Петрович в текущем месяце снести свою перегородку: если намерен, пусть непременно даст знать, чтобы торговля закрыла чехлами летний товар.

Корнеев отошёл от стола и посмотрел на перегородку. Три года она стояла смирно, отделяя его столовую от конторы. Что в её поведении в последнее время встревожило торговлю, оставалось гадать. Впрочем, здесь он мог дать ясный ответ и написал на обороте: «В текущем месяце надеюсь удержаться».

Из часов выбрался Тихон. Вместо рыжего мальчишки на полу стоял мокрый серый кот, тощий в талии и неприлично рослый в плечах. Вода с него капала до того обильно, что Корнеев отодвинул бумаги.

— Ты где вымок?

Кот оглянулся на свой хвост с некоторым интересом. Попробовал лизнуть, сморщился и сел на половик. Вода была совершенно чистая, зато пахла речной тиной, тёплой и сдобной, какую переворачивают багром у самого берега.

— Хоть какая-нибудь рыба, — сказал Тихон после долгого молчания. — Хоть плотвичка б у меня там завелась. Семь лет спускают воду, ни разу рыбы не спускали.

Когда он говорил в кошачьем виде, губы его оставались неподвижны. Голос шёл из того места, где лежали часы. Привыкнув за семь лет к этому обстоятельству, Корнеев всё же старался не принимать в такие минуты посетителей: одного купца пришлось отпаивать лафитом после того, как жилет на спинке стула отчётливо попросил сметаны.

— Можешь рассказать, что случилось?

— Могу за тебя написать: «Подвергся необычному волнению, сведений сообщить не в состоянии». Возьми перо и распишись за мной.

— Я могу попросить иначе.

— А чего тут иначе просить? В меня кто-то полез. Потом отцепился. Только запах воды остался. Больше ничего у меня нет.

Он встал. На половике под ним виднелось ровно четыре тёмных пятнышка от лап. Больше ничего не намокло. Корнеев тронул пальцем блестящую на шерсти каплю. Подушечка пальца осталась сухой.

— У тебя бывает так, когда волнуешься?

— Бывало раньше.

— Когда?

Тихон взобрался на подоконник. По его шкуре вниз уходили маленькие ровные бороздки, речная вода стекала туда, где её уже не было.

— Когда у меня ещё часов не было, — сказал он.

Арсений Петрович почувствовал, что если сейчас опять подойдёт к столу или станет крутить папиросу, то упустит что-то поважнее всего происшедшего в павильоне. Поэтому он сел на пол, прислонился спиной к прохладной голландке и не стал делать ничего.

— У меня было хорошее место, — сказал Тихон. — Восемь ступеней в реку. У нижней ступени всегда держались пескари. Кто спускался с вёдрами, тот сперва ставил правую ногу, потому что левая доска шаталась. Я по шагам различал, кто идёт. Одну бабу любил. Она мыла детей и по счёту поливала из кружки. У неё всегда выходило: раз, два, три, четыре, семь. Пропускала, чтоб не орали долго. До сих пор, как слышу «четыре», всё жду «семь».

Корнеев поглядел в окно. Внизу женщина выбирала у разносчика щётку, проводила щетиной по ладони и всякий раз вздрагивала, как будто надеялась, что следующая окажется добрее.

— Когда тебя просили подвинуться, — спросил он, — кто говорил?

— Моим собственным голосом. Это и противно.

Тихон соскочил, перестал быть котом и пошёл в столовую сушить поддёвку у холодной печки. Через минуту оттуда донёсся его обыкновенный, раздражительный голос:

— Сеня! Кто селёдку на блюде оставил?

— Я.

— Хорошая селёдка. Следующую тоже оставь.

Корнеев выдохнул и занялся обедом.

***

Около пяти ему принесли первый оттиск вечернего листка. Редактор, с которым они прежде играли в винт, послал его как любезность и сбоку синим карандашом вывел: «Арсений Петрович, Ваше ли? Можем прибавить строк семь».

В листке инженер Всеволод Ильич Рябинин скончался «вследствие давнишнего сердечного страдания, усугублённого продолжительными трудами», причём последние часы жизни посвятил устройству праздника для детей своих рабочих. Арсений Петрович знал теперь достаточно, чтобы по меньшей мере вторую часть этой трогательной фразы уверенно отдать Брянцеву. В конце была подробность, не имевшая, на первый взгляд, ни малейшего отношения к покойнику: «По счастливой случайности никто из лиц, находившихся в соседнем отделе, не пострадал».

Вот она и заставила Корнеева взяться за перо.

Если сердце вдруг откажет у соседа за стеной, никому не приходит в голову пересчитывать собственные рёбра. Кто же так испугался за публику в большом зале?

Он написал редактору: «Чьё „по счастливой случайности“? Первых семи строк моих пока нет, но за эти четыре слова дам обед».

Ответ пришёл через сорок минут с тем же мальчишкой, уже успевшим по дороге куда-то пристроить башмаки и теперь шлёпавшим в одних чулках. Редактор написал на конверте: «Получено от выставочного бюро. Корректура у меня. Обед принимаю. Рябинин был нездоров?»

Корнеев велел передать, что доктор пока уверен только в числе и месяце. Мальчик попросил сказать точнее, какое это число и какой месяц, потому что прежде из-за него уже дважды возвращали неверно записанный ответ.

Когда за ним затихли шаги, на лестнице почти сразу послышались другие. Посетитель поднялся, пропустил бегущего вниз мальчишку и остановился перед дверью. Это ожидание

длилось слишком долго для человека, которому всего лишь надо прочесть «Частный поверенный А. П. Корнеев». Корнеев сам подошёл и открыл.

Анна Васильевна стояла у двери в той же пыльной шляпе, с пустой небольшой корзиной на локте. В корзине темнело мокрое пятно. Увидев его, он первым делом подумал о крови.

— Вишни, — сказала она. — По вашему лицу вижу, о чём думаете. У Варвары Ильиничны во дворе мальчишка продавал ранние вишни. Я всё-таки не сумела с пустыми руками войти.

— А обнять?

— Обняла. Она сперва и запачкала мне корзину. Сама взялась разбирать, хорошие наверх, мятые в пирог, и так мы с ней сидели минут десять. Пока не нашлась чашка, чтобы косточки сплёвывать, говорить было совершенно невозможно.

Корнеев взял корзину и поставил на этажерку. Доставать новый графин с водой он не стал. В столовой оставалось полбутылки холодного несладкого чаю.

Она выпила два стакана стоя и только потом согласилась сесть.

— Я пришла к вам как к поверенному. Сколько стоит консультация?

— Смотря по вопросу. По денежным делам три рубля.

— По уголовным?

— Пять.

— Если в одном лице преступница и нанимательница, дешевле?

— Смотря сколько места займут обе.

Анна положила на стол сложенный лист. Полотно, сквозь которое просвечивали линии, было тонкое, желтоватое. Нижний край отрезан ножницами только до половины; дальше его оторвали вдоль деревянной линейки. На правой ладони у Анны от большого пальца к основанию мизинца шёл такой же диагональный чёрный след.

— Я взяла это со стола Всеволода Ильича, пока вы разговаривали с Брянцевым. Все бумаги там велено было оставить для описи. Могу ли я вам это показать, чтобы вы не обязаны были сразу отдавать полиции?

— Можете. Я не на службе.

— А если бы были на службе?

— Тогда следовало спрашивать до того, как положили.

Она подвинула лист ближе к себе.

— В первый же вечер отдам Ефиму Лукичу, — добавил Корнеев. — Или вы покажете ему сами. Если бумага чего-то стоит, желательно сохранить её такой, чтобы вы через месяц могли встать перед судом и сказать, где её взяли и кто к ней прикасался. Человеку легче объяснить, зачем он унёс лист, чем зачем потом три недели уверял, будто ничего не трогал.

Анна подумала, положила рядом свою визитную карточку, перевернула и написала на обороте дату, место и время.

— Только перо у вас расщепилось. Можно я его выброшу, прежде чем мы оба окажемся в кляксах?

Корнеев подставил корзинку для сора. Визитка была хорошая, тиснёная. Под именем значилось: «Чертёжница конторы В. И. Рябинина». На слове «конторы» бумага истончилась от трения. Вероятно, Анна не часто раздавала карточки и долго возила их в жёстком футляре.

Они развернули лист.

Посередине, поверх красной черты, стояла подлинная подпись инженера. Дальше следовали столбцы цифр, а под ними тесно шли пометы, сделанные рукой, которую Корнеев видел утром в записке из кармана Рябинина. Он прочёл их раз, потом другой.

«Случай М. Ш. — 36».

«Случай П. Д. — 42».

«Случай Пел. — 19».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.